

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЧЖУРЧЖЭНСКИХ ТОПОРАХ-СЕКИРКАХ

© 2025 г. С.В. Макиевский

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН,
Владивосток, Россия*

E-mail: makievskiy@list.ru

Поступила в редакцию 14.06.2024 г.

После доработки 02.10.2024 г.

Принята к публикации 15.10.2024 г.

Среди вещей, обнаруженных при исследовании чжурчжэньских городищ XII–XIII вв. в Приморье, имеются железные изделия, по форме похожие на топор с широким лезвием и с черешковым насадом рукояти. По форме лезвия, напоминающего секировидный топор, изделия получили название “секирки” и были отнесены к категории вооружения как боевые топоры, применяемые в качестве метательного оружия в армии чжурчжэней. Под этим определением секирки на долгое время вошли в научный оборот, но в результате последних исследований установлено, что они не могли использоваться в качестве боевого оружия по причине конструктивных особенностей. Анализ материала позволил выявить, что устройство секирок характерно для ножевого инструмента, в большом количестве найденного при исследовании памятников эпохи чжурчжэней в Приморье.

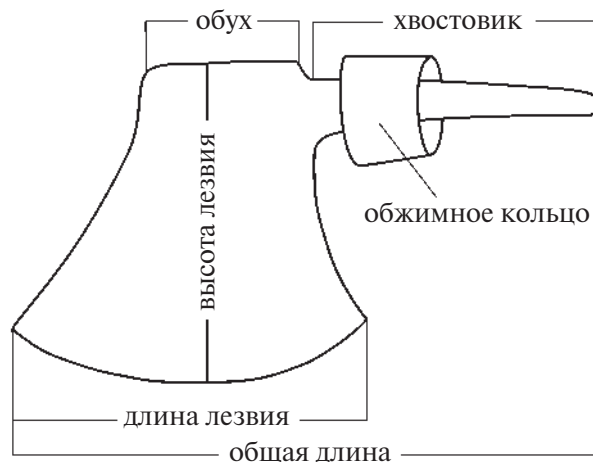
Ключевые слова: Приморский край, XII–XIII вв., чжурчжэни, секирки, оружие, боевой топор, ножи, инструмент.

DOI: 10.31857/S0869606325010083, **EDN:** BGRVVX

Известно, что чжурчжэни внесли большой вклад в развитие вооружения Восточной Азии, которое в результате монгольского нашествия было унаследовано многими народами Евразии. Среди оружейников даже появились термины “чжурчжэньский шлем” (Бобров, 2007. С. 267), “чжурчжэньский наконечник стрелы” (Коробейников, Митюков, 2009. С. 74). Классификация чжурчжэньского оружия стала устойчивой схемой в археологической литературе, в результате чего отдельные вещи без сомнения воспринимаются как предметы вооружения. Но накопившийся на сегодняшний день археологический материал вынуждает пересмотреть вопрос о действительном использовании некоторых предметов, ранее отнесенных к комплексу вооружения.

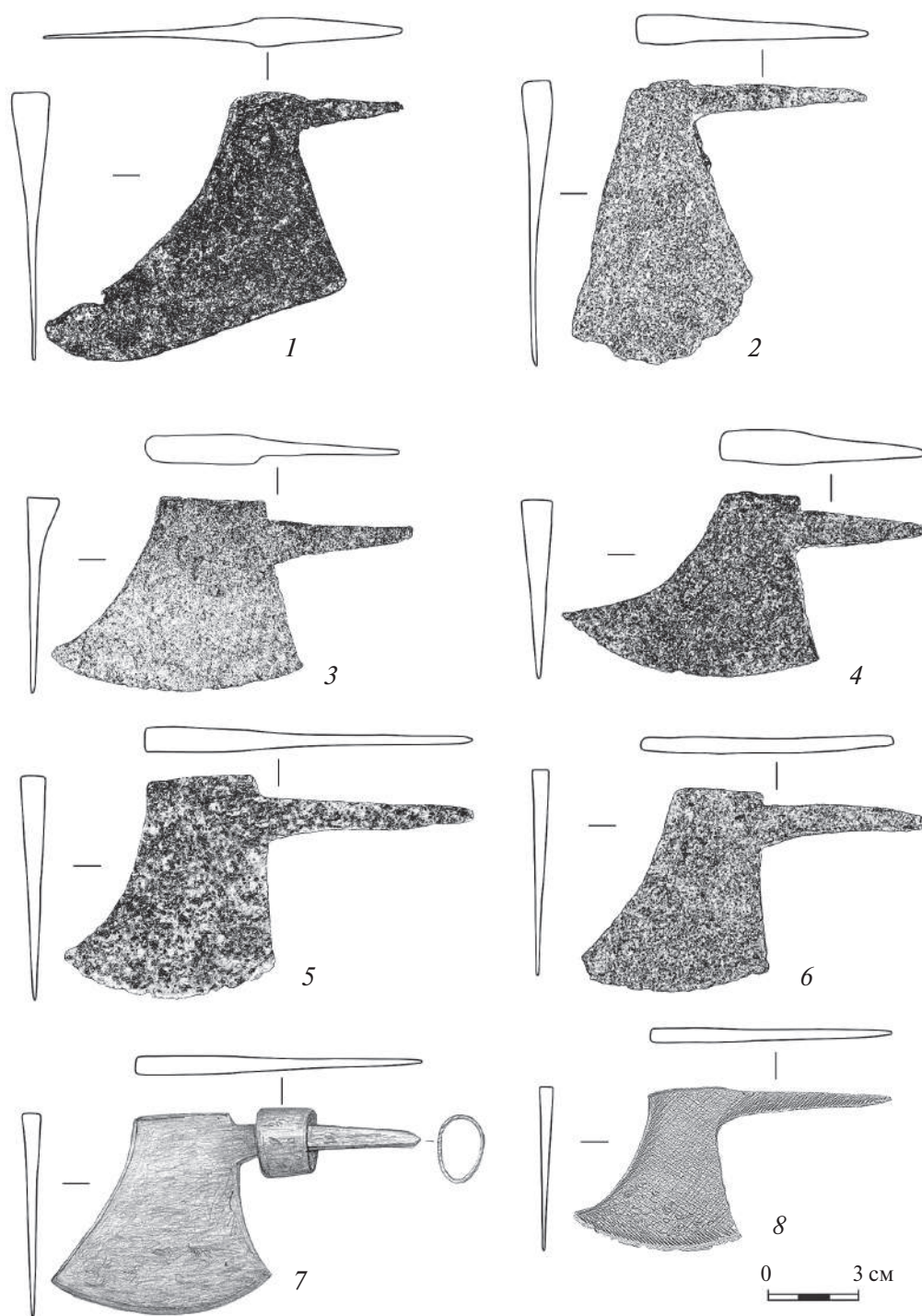
Цель настоящего исследования – обзор имеющихся данных по так называемым чжурчжэньским секиркам (рис. 1–4; таблица) и решение вопроса об их функциональном назначении. Актуальность темы в первую очередь связана с тем, что устоявшееся мнение о чжурчжэньских секирках как о предмете вооружения стало без анализа переходить из одной научной работы в другую.

Впервые предмет в виде секирки обнаружен в 1967 г. на Шайгинском городище – областном городе государства Восточное Ся (1215–1233). Это были первые годы исследования памятников чжурчжэньской культуры на территории

Рис. 1. Схематическое изображение чжурчжэньской секирки.

Fig. 1. Schematic representation of a Jurchen small broad-edged axe

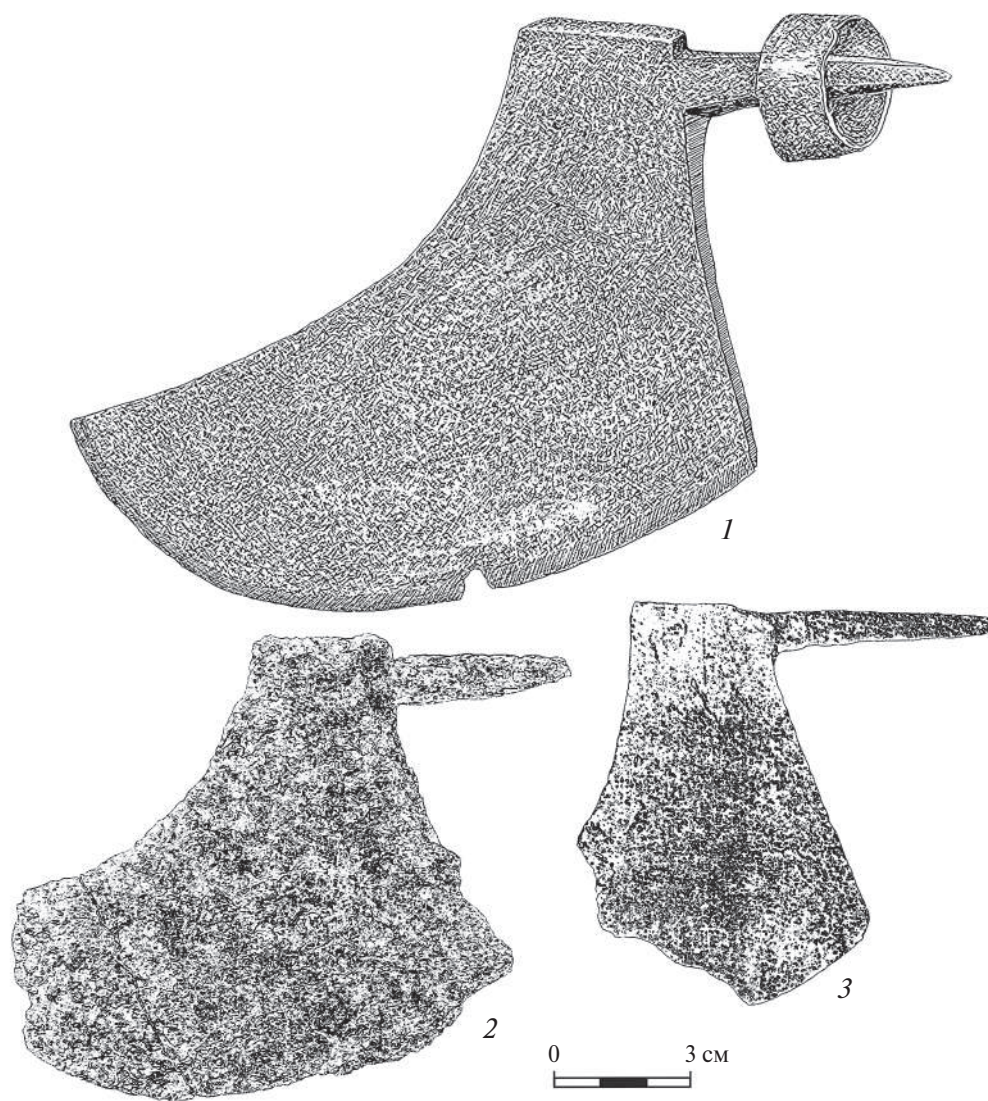
Рис. 2. Секирки из Шайгинского городища. 1 – Ш69-50, 2 – Ш203, 3 – Ш7-23, 4 – Ш192-5, 5 – Ш69-52 2, 6 – Ш9-50-30, 7 – Ш8-35, 8 – Ш74-121.

Fig. 2. Small broad-edged axes from the Shayga fortified settlement

Приморского края, поэтому по внешним признакам предмет был назван “ножом в виде секирки” и “столярным топориком” (Шавкунов, Ленков, 1967). Чуть позже такие находки стали называть “нож секирка” и “боевой секировидный топорик”

(Шавкунов и др., 1969), в последующем за этим изделием закрепилось название “секирка”, которое используется до сих пор (Шавкунов, 2014. С. 103)

В монографии В.Э. Шавкунова, посвященной вооружению чжурчжэней XII–XIII вв., автор на

Рис. 3. Чжурчжэньские секирки. 1 – Ананьевское городище, А-84-49-8; 2 – Южно-Уссурийское городище, ЮУ06-Р4-42; 3 – Лазовское городище. 1 – по: Хорев, 2012; 2 – по: Артемьева, 2006; 3 – по: Ленков, Артемьева, 2003.

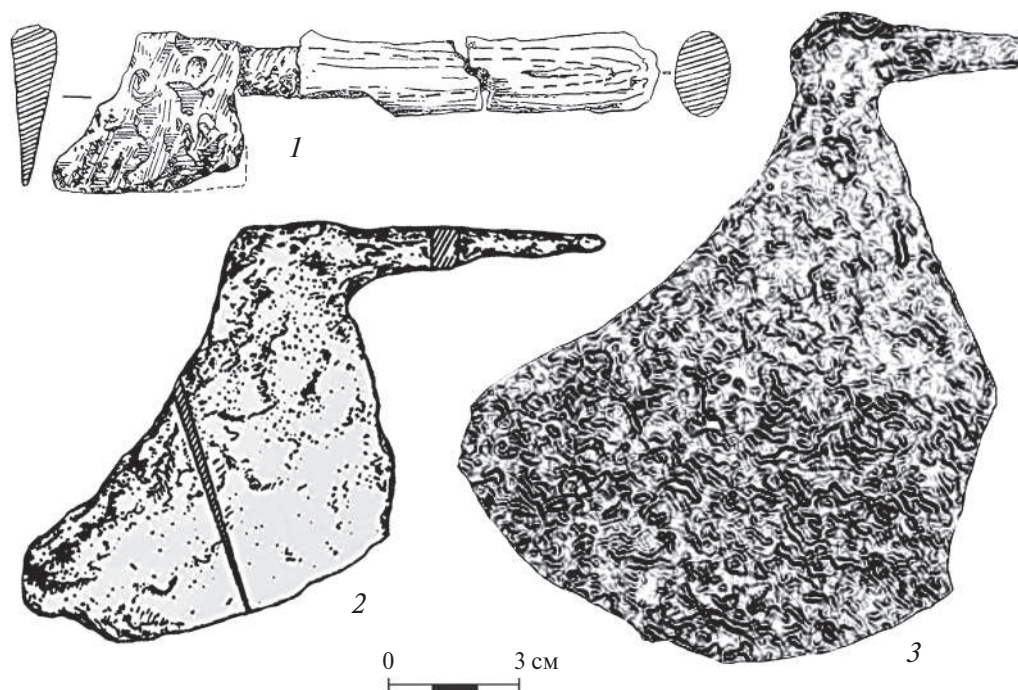
Fig. 3. Jurchen small broad-edged axes. 1 – after Khorev, 2012; 2 – after Artemyeva, 2006; 3 – after Lenkov, Artemyeva, 2003

основе результатов исследования памятников культуры чжурчжэней на территории Приморья детально рассматривает различные виды оружия дальнего и ближнего боя, а также защитного вооружения (Шавкунов, 1993). Эта работа на долгое время стала основным источником, благодаря которому можно было в полной мере ознакомиться с комплектом вооружения, принятого в армии чжурчжэней. Но на сегодняшний день некоторые сведения нуждаются в корректировке.

В категорию рубящего оружия В.Э. Шавкунов относит боевые топоры, выделяя их из общего числа топоров по массе и размерам, топоры-клевецы, представляющие собой топор с удлиненным

клювообразным обухом. Кроме того, исследователь считает, что к рубящему оружию относятся и так называемые секирки – железные кованые изделия в виде топора, с высоким полотном, расширяющимся от небольшого размера обуха, от которого отходит короткий черешок для крепления рукояти (рис. 1–4).

Им рассмотрено 12 секирок, обнаруженных в Приморье. Автор не стал выделять отдельные типы ввиду небольшого количества практически идентичных предметов, лишь отметил, что секирка, найденная на Ананьевском городище (рис. 3, 1), отличается от остальных экземпляров большим размером и массой 285 г, тогда как

Рис. 4. Аналогии из других регионов. 1 — предмет, похожий на топорик из погр. 11 могильника Чиндант I, Забайкалье; 2 — нож из городища Чэнганцзы, Китай; 3 — топор из Каракорума, Монголия. 1 — по: Асеев и др., 1984; 2 — по: Лю Цзинвэнь, Хэ Мин, 2000; 3 — по: Киселев, 1965.

Fig. 4. Analogies from other regions. Iron. 1 — after Aseev et al., 1984; 2 — after Liu Jingwen, He Min, 2000; 3 — after Kiselev, 1965

другие имеют массу 60–135 г (Шавкунов, 1993. С. 56, 57). Исходя из анализа массогабаритных характеристик изделий высказано мнение, что небольшая масса, форма лезвия и тонкая рукоять, неспособная выдержать нагрузок, делают невозможным применение секирок в плотничьем, бондарном и слесарном деле. Исключив

хозяйственное назначение секирок, В.Э. Шавкунов рассмотрел вариант их возможного использования в бою или на охоте, но вновь столкнулся с тем, что малый вес и рукоять, не позволявшие наносить полноценные удары, делали секирки малопригодными как для охотничьего, так и для боевого применения. Отметив, что устройство

Характеристики чжурчжэньских секирок из Приморья Characteristics of Jurchen broad axes from Primorye

Шифр	Общая длина изделия (см)	Длина лезвия (см)	Высота лезвия (см)	Длина хвостовика (см)	Размеры обуха (см)	Диаметр обжимного кольца (см)
Ш7-23	12.0	8.0	6.5	4.6	3.4 × 1.0	2.3
Ш9-50-30	11.4	6.2	6.8	5.3	2.9 × 0.5	
Ш8-35	12.3	7.3	6.5	6.0	3.0 × 0.6	
Ш69-52-2	13.5	7.0	7.5	7.0	3.5 × 0.5	
Ш69-50	13.2	10.5	7.0	3.5	2.0 × 1.0	
Ш-203	10.0	6.2	10.0	5.9	2.2 × 1.2	
Ш192-5	12.0	8.7	5.9	4.2	2.5 × 1.1	
Ш74-121	10.5	5.5	5.4	5.5	2.5 × 0.5	
Л-82-22-21 (фрагмент)			9.0	5.0	2.8 × 0.8	
А-84-49-8	21.0	15.5	11.0	6.0	3.3 × 1.8	3.0
ЮУ06-Р4-42	12.4	11.0	9.6	4.0	3.0 × 1.2	

секирок не позволяло наносить рубящие удары, автор предположил, что рукоять и форма лезвия подходят для поражения броском, приведя в качестве довода сцену из исторического китайского романа “Сказание о Юэ Фэе”. В итоге сделан вывод, что секирки — разновидность метательного оружия, предназначенного для поражения конницы и живой силы противника, не имеющих защиты (Шавкунов, 1993. С. 62).

В.Э. Шавкунов не был первым, кто предположил боевое использование изделий, аналогичных секиркам. Ранее эту идею озвучили авторы раскопок Каракорума — столицы Монгольской империи (1235–1260), где был найден предмет, по форме похожий на секирки с чжурчжэньских памятников (рис. 4, 3). Исследователи решили, что это топор необычной конструкции — в нем отсутствовало проушное отверстие для установления топорика, а крепление рукояти осуществлялось на короткий черешок, отходящий от обуха. Анализируя возможную область применения такого топора, авторы исключили его бытовое использование ввиду и других конструктивных особенностей — небольшой толщины лезвия при его ширине и высоте, и решили, что это “боевое или, вероятнее, декоративное оружие” (Киселев, Мерперт, 1965. С. 206).

Помимо приморских секирок и топора из раскопок Каракорума известно о находке подобного изделия в средневековой части монгольского могильника Чиндант I в Забайкалье (Асеев и др., 1984. С. 55). В погребении 11, которое по набору вещевого материала было определено как женское, обнаружен предмет, названный исследователями железным топориком с деревянной рукояткой (рис. 4, 1). Авторы не приводят технических характеристик изделия, но судя по рисунку, можно понять, что изделие небольших размеров: общая длина — около 14 см, расстояние от обуха до тыльной части рукояти — около 10, длина сохранившейся деревянной части рукояти — около 8.5. Рукоять в поперечном сечении имеет форму, близкую к овальной (2 x 1.3 см), длина хвостовика — около 9 см, длина лезвия — около 4.5, ширина — около 4, размеры обушной части — около 2.5 x 1 см. Стоит отметить, что называя данный предмет топориком, авторы высказывают некоторую долю сомнения в том, что это именно топорик (Асеев и др., 1984. С. 193. Табл. XLI), а позже говорят о нем, как о железном предмете, похожем на топорик (Асеев, 2009. С. 191).

Идея использования изделий, подобных чжурчжэньским секиркам из Приморья в качестве холодного оружия, озвученная исследователями

Каракорума и поддержанная В.Э. Шавкуновым, получила свое развитие в дальнейшем. Так, Ю.С. Худяков, рассматривая вооружение монголов, приводит находки из Каракорума и могильника Чиндант I и считает их редким видом боевого топора, заимствованного у чжурчжэней и не получившего широкого распространения (Худяков, 1991. С. 139; 1997. С. 133). М.В. Горелик также причисляет эти изделия к оружию монгольской армии, предполагая, что они могли использоваться в виде метательных топоров, и говоря об их чжурчжэньском происхождении (Горелик, 2002. С. 31). А.Р. Артемьев, в работе посвященной проблеме выделения монголо-татарского вооружения из древнерусского, сообщает о найденной в Старой Рязани черешковой секире, почти аналогичной топору из Каракорума, и говорит о возможном чжурчжэньском происхождении изделия (Артемьев, 2004. С. 149).

В.Э. Шавкунов, возвращаясь к теме секирок, в контексте обсуждения боевых топоров монголов, повторяет свои доводы в пользу того, что чжурчжэньские секирки — метательное оружие. Ученый высказывает предположение о возможном использовании топора необычной формы из Каракорума и большой секирки, найденной на Ананьевском городище в Приморье, в качестве рубящего оружия некоторых командиров монголо-татарского войска. Такое мнение основывается на сочинениях средневековых хронистов, описывающих случаи применения сотниками монгольской армии неких секир для убийства пленных (Шавкунов, 2014. С. 103, 104). К подобным секирам отнесен и топорик из могильника Чиндант I как однотипный находке из Каракорума (Шавкунов, 2014. С. 103). При этом автора совершенно не смущают размер предмета и тот факт, что он был найден в женском захоронении.

К настоящему времени достаточно прочно утвердилось мнение о принадлежности вещей типа топора необычной формы из раскопок Каракорума, железного предмета, похожего на топорик, из могильника Чиндант I и секирок из чжурчжэньских памятников Приморья к предметам вооружения. Но действительно ли эти изделия были таковыми?

Основанием для выделения данных предметов в категорию вооружения послужили выводы, что особенности их конструкции не подходят для хозяйственных и ремесленных нужд. Как упомянуто выше, С.В. Киселев и Н.Я. Мерперт предположили, что ширина и небольшая толщина лезвия найденного в Каракоруме топора, а также его форма исключают возможность

хозяйственного применения (Киселев, Мерперт, 1965. С. 206). Для В.Э. Шавкунова препятствием для отнесения секирок к хозяйственному инструменту были следующие их параметры. Это малая масса изделий, не подходящая для использования в плотничьем деле; тонкая рукоять, уступающая размерами рукояткам рабочих топоров и не способная выдержать нагрузки; изогнутая форма лезвий, что повышало режущие свойства, которые не требовались ни в столярном, ни в бондарном деле (Шавкунов, 1993. С. 61, 62).

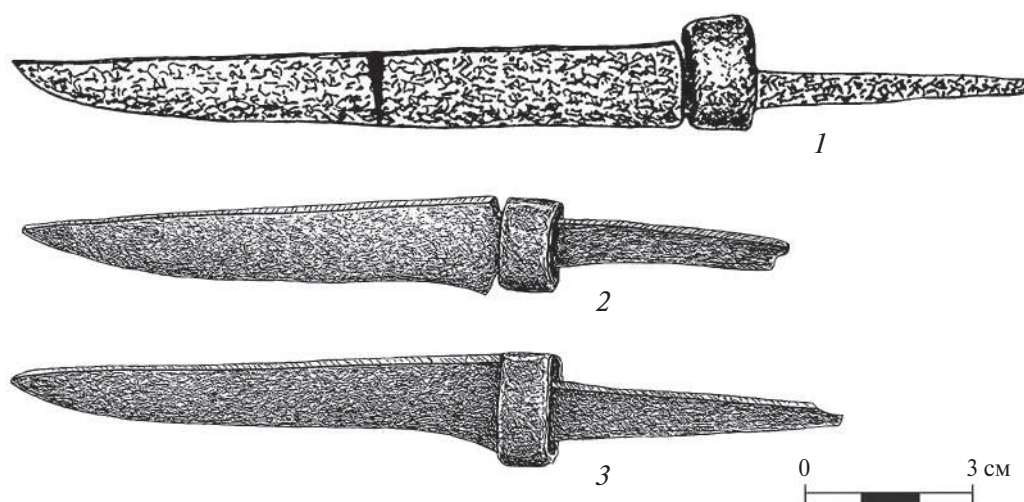
Исключив хозяйственное использование топоров-секирок, ученые отнесли их к предметам вооружения. При этом исследователи Карако-рума, как сказано выше, пришли к выводу, что подобный топорик мог служить в качестве декоративного оружия, а В.Э. Шавкунов счел их боевым оружием.

Определяя область использования данных изделий и возможность их применения в качестве инструмента или предмета вооружения, исследователи исходили из того, что это орудия рубящего действия. Но если предположить, что при эксплуатации подобных топориков востребованы свойства режущего инструмента и все рассмотренные выше предметы — ножи с лезвиями своеобразных форм, то можно вернуться к обсуждению их возможного хозяйственно-бытового назначения.

Главное основание против мнения об использовании таких топориков в качестве рубящего орудия — черешковый или всадной способ крепления рукояти к лезвию, совершенно не характерный для орудий такого рода. На примере

секирок, обнаруженных в Приморье, и предмета из могильника Чиндант I можно сказать, что деревянная рукоять в поперечном разрезе имела форму овала, устанавливалась на прямоугольный в поперечном сечении хвостовик длиной около 5 см. Судя по размерам хвостовика, длина рукояти соответствовала ширине ладони взрослого человека, т.е. около 10 см. При большей длине рукояти неизбежно бы сказался эффект рычага, и возросшая нагрузка железного хвостовика на деревянную рукоять могла привести к деформации последней. Место всада хвостовика в рукоять дополнительно могло быть укреплено железным обжимным кольцом, поскольку при работе этот участок рукояти испытывал наибольшие нагрузки (рис. 1; 2, 7; 3, 1). В.Э. Шавкунов упоминает о двух таких кольцах, сохранившихся на хвостовиках секирок, и приводит данные об их конфигурации и размерах. Кольца имеют овальную форму с посадочными размерами 22 × 13 и 29 × 23 мм (Шавкунов, 1993. С. 61).

Всадной способ крепления рукояти не подразумевает нанесения рубящих ударов, так как нагрузки, возникающие при рубке, неизбежно приведут к потере прочности соединения и к отделению металлической части изделия от рукояти. Данный способ монтажа рукояти использовался чжурчжэньскими мастерами при изготовлении различного ножевого инструмента (рис. 5). Для инструментов рубящего и ударного действия, таких как топоры и молотки, применялся проушной способ крепления — рукоять устанавливалась в сквозное отверстие в металлической части изделия, так называемый проух.

Рис. 5. Чжурчжэньские ножи. 1 — Лазовское городище, Л-82-24-18; 2, 3 — Ананьевское городище, А73-1-31, А-19-19. 1 — по: Ленков, Артемьева, 2003; 2, 3 — по: Хорев, 2012.

Fig. 5. Jurchen knives. 1 — after Lenkov, Artemyeva, 2003; 2, 3 — after Khorev, 2012

Надежность данного способа установки рукояти подтверждается тем, что в практически неизменном виде он сохраняется в настоящее время и повсеместно применяется в изготовлении ударного и рубящего инструмента.

Помимо проушного крепления также известно и об использовании чжурчжэнями втульчатого способа, когда топориче устанавливается в вытянутую цилиндрическую втулку. Топор с подобным вариантом установки топорича (рис. 6, 2) найден при исследовании Красноярского городища, Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся (Артемьева, 1995. С. 15). Втульчатый способ крепления рукояти топора не столь распространен, как проушный. Обычно он используется в конструкциях древкового оружия и некоторых инструментов.

Практически на всех образцах чжурчжэньского оружия, подразумевающего наличие деревянной рукояти, отмечено стремление повысить прочность соединения рукояти с боевой частью. Как правило, это осуществлялось за счет установки железного гвоздя в деревянную рукоять через отверстие в металлической части, что можно проследить и на боевых топорах чжурчжэней, найденных на памятниках Приморья (рис. 6, 1). Применение данного способа крепления в полной мере предотвращало возможность рассоединения деревянной рукояти и боевой металлической части. Поэтому вполне закономерно возникает сомнение в том, что в чжурчжэньской армии могло использоваться оружие, не отвечающее требованиям к надежности применения. Если бы назначение секирок было в использовании их

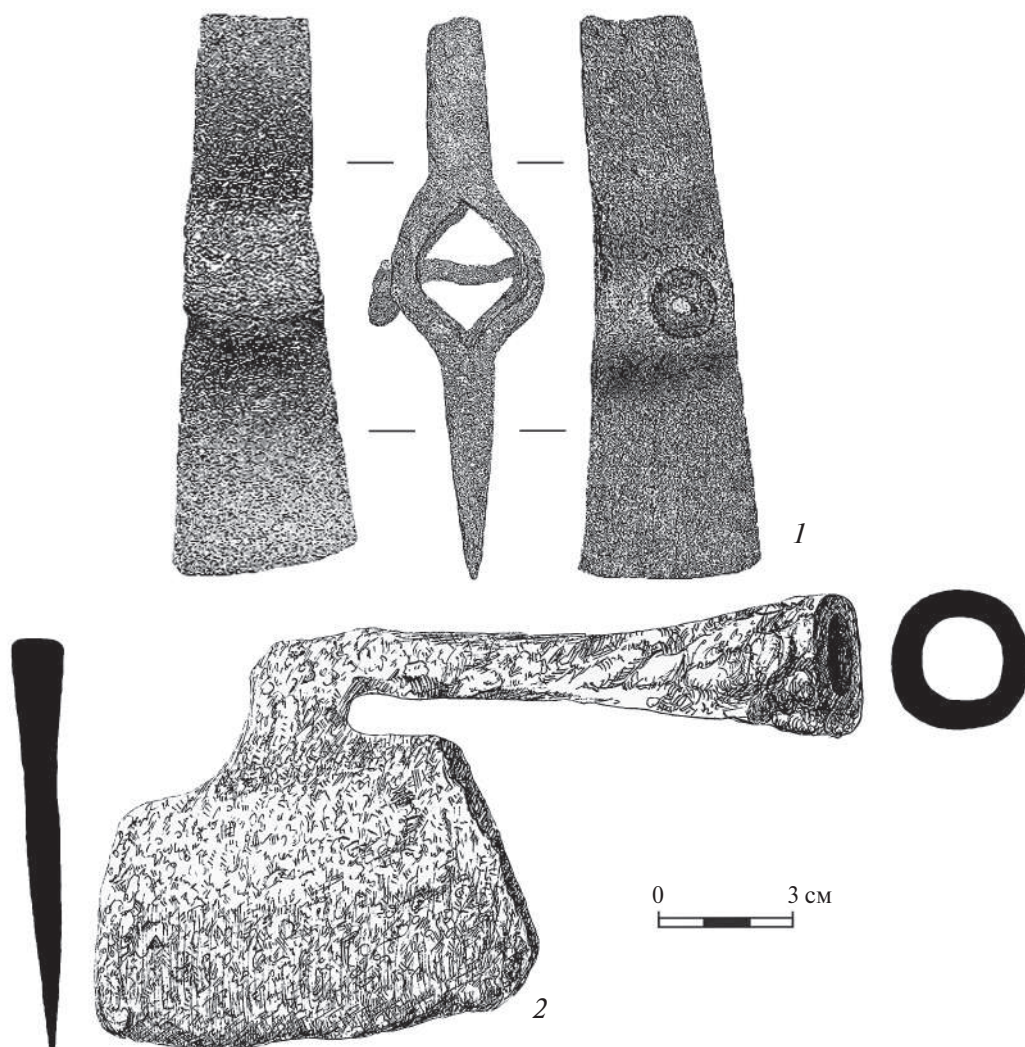

Рис. 6. Чжурчжэньские топоры. 1 — боевой, Горнохуторское городище, ГХ03-26-7; 2 — с втульчатым всадом, Красноярское городище, КЯ95-Р1-28 (по: Артемьева, 1995).

Fig. 6. Jurchen axes. 2 — after Artemyeva, 1995

в качестве средства поражения, то оружейники чжурчжэней обязательно бы позаботились о более надежном устройстве рукояти, чем черешковое.

Против версии об использовании предметов типа секирок в качестве метательного оружия выступает ряд факторов, связанных с конструкцией изделий. В первую очередь, это присутствие совершенно необязательного элемента в виде рукояти — короткого деревянного черенка, закрепленного на коротком хвостовике. Эксперты-криминалисты, рассматривая вопрос использования ножей в качестве метательного оружия, считают, что наличие рукояти это помеха, нарушающая баланс метательного орудия и неблагоприятно влияющая на точность броска. К тому же может произойти деформация рукояти, что в свою очередь приведет к нарушению баланса орудия (Арутюнов, Фаниев, 2019. С. 51). Секирки по конструкции близки к ножам, поэтому вопрос о рукояти относится и к ним.

Против версии использования секирок в качестве метательного оружия выступают и такие факторы, как небольшой размер, малая масса и общая конфигурация изделий. Совокупность перечисленных факторов не позволит при броске обеспечить достаточной проникающей способности и нанесения противнику ощутимых травм. Если и говорить о возможности применения топоров в качестве метательного оружия, то на эту роль гораздо лучше подойдет обычный боевой топор, имеющийся в комплекте вооружения чжурчжэньской армии.

Что касается секирки из Ананьевского городища, названной В.Э. Шавкуновым “гигантской”, и которая, по его мнению, могла использоваться в качестве оружия рубящего действия, то следует отметить следующее. Черешковое крепление ее рукояти не позволит наносить этим орудием рубящих ударов, и, как следствие, — его невозможно использовать в качестве боевого топора. Тем более что хвостовик секирки длиной 6 см совершенно не подразумевает установку рукояти длиной 70–80 см, о которой говорит В.Э. Шавкунов (2014. С. 104). Исходя из размеров хвостовика можно предположить, что длина рукояти секирки из Ананьевского городища могла быть в пределах 10–12 см, т.е. практически такой же, как и у секирок меньшего размера.

Против версии об использовании изделий, подобных секиркам с черешковым креплением рукояти, в качестве боевого оружия высказывается и известный оружейвед О.В. Двуреченский. Систематизируя коллекцию топоров Московской

Руси и Русского государства XV–XVII вв., он выделяет черешковые топоры в отдельный тип и отмечает, что “данный тип, безусловно, не относился к боевым топорам и мог быть использован при специфических столярных работах” (Двуреченский, 2014. С. 155).

Результаты функционального анализа вещевого материала, собранного в ходе исследований памятников чжурчжэньского времени в Приморье, показали, что способ монтажа рукоятей, аналогичный способу, использованному при изготовлении секирок, т.е. в виде деревянного черенка, насаженного на короткий хвостовик и с железным обжимным кольцом на месте всада, типичен для режущего инструмента, представленного в коллекции ножами (рис. 5). В конструкции секирок прослеживаются и другие детали, свойственные ножевому инструменту. К ним можно отнести небольшие размеры изделий, длину рукояти, соответствующую длине рукояти ножа, а также характерную для некоторых режущих инструментов форму лезвия в виде полумесяца, обеспечивающую увеличение режущей поверхности.

На памятниках чжурчжэньского времени в Приморье ножи — одна из самых многочисленных категорий находок (Леньков, Артемьева, 2003. С. 46, Хорев, 2012. С. 72). Н.В. Лещенко разработана типология, основанная на различиях форм и размеров ножей, выделены отделы: отдел I состоит из четырех типов, к нему относятся ножи с прямым полотном; в отдел II вошли ножи особых форм, разделенные внутри отдела на восемь типов; к отделу III отнесены четыре типа ножей, названных миниатюрными. Опираясь на археологические и этнографические аналогии, Н.В. Лещенко приводит варианты применения некоторых типов ножей в качестве специального инструмента, предназначенного для выполнения определенного вида работ — раскройка шкур, работа с деревом и др. (Лещенко, 1993. С. 44). Многочисленность и разнообразие типов ножей указывают на то, что ножевой инструмент был широко востребован как для повседневного использования в быту, так и в качестве инструмента при работе с различными материалами. Используя типологию, предложенную Н.В. Лещенко, можно сказать, что чжурчжэньские секирки — еще один тип ножей особых форм отдела II.

В категорию ножей выделяют секирки и китайские исследователи. Так, при раскопках городища Чэнганцзы, расположенного в городском округе Дэхуйши провинции Цзилинь в Китае, которое относится ко времени существования чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234),

найден предмет, по форме практически идентичный секиркам, ранее обнаруженным в Приморье, и названный авторами ножом, по форме напоминающим современный тесак. Общая его длина (рис. 4, 2) — 15.1 см, ширина — 8, длина хвостовика — 5.8 (Лю Цзинвэнь, Хэ Мин, 2000. С. 29).

Режущим инструментом бытового назначения является и однотипный секиркам предмет, упоминавшийся выше, из женского погребения 11 могильника Чиндант I. Судя по размерам и месту нахождения предмета, его боевое назначение маловероятно.

Версия о принадлежности рассмотренного выше топора из Каракорума стала основополагающей для некоторых исследователей, работающих над вопросами древнего оружия. Со временем идея о возможном использовании каракорумского черешкового топора в качестве декоративного оружия трансформировалась в практически непреложный факт боевого назначения подобных изделий. Большую роль в этом сыграл труд В.Э. Шавкунова (1993), о чем сказано выше.

В заключение следует еще раз отметить, что на мнение В.Э. Шавкунова о назначении секирок и подобных им предметов как разновидности боевых топоров и возможном их применении в качестве рубящего и метательного оружия долгое время ссылались и другие исследователи средневекового оружия. Даже предмет, похожий на топорик, из женского захоронения могильника Чиндант I был отнесен к таковым, хотя авторы находки и не делали на эту тему никаких предположений.

К настоящему времени в кругу медиевистов Приморья возникли сомнения в состоятельности устоявшегося утверждения. Повторное обращение к этим находкам позволило подчеркнуть характеристики, прямо указывающие на их реальное назначение — бытовое использование в виде режущего инструмента. В итоге можно заключить, что долгое время существовавшая версия о принадлежности секирок к предметам вооружения несостоятельна и что секирки — это режущий инструмент, использовавшийся чжурчжэнями в быту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемов А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 143–152.

Артемова Н.Г. Отчет об археологических исследованиях Краснояровского городища в Уссурийском районе Приморского края в 1995 году // Архив Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 393.

Арутюнов А.С., Фаниев П.А. Критерии отнесения метательного ножа к холодному оружию // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 51–54.

Асеев И.В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в Средние века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 189–198.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Бобров Л.А. Шлемы “цзиньского” типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2007. С. 267–287.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Военское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2014. 536 с.

Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 188–215.

Коробейников А.В., Митюков Н.В. Стрелы чжурчжэней: к идентификации внешнебаллистических параметров // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2009. № 1 (143). С. 74–80.

Леньков В.Д., Артемова Н.Г. Лазовское городище. Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.

Лещенко Н.В. Типология железных ножей с чжурчжэньских памятников Приморья // Новые материалы по археологии Дальнего Востока и смежных территорий: докл. V сессии науч.-проблем. Совета археологов Дальнего Востока. Владивосток, 1993. С. 40–46.

Лю Цзинвэнь (刘景文), Хэ Мин (何明). 吉林德惠市城岗子金代古城发掘简报 (Краткий отчет об археологических раскопках цзиньского городища Чэнган-цзы, расположенного в городском округе Дэхуйши провинции Цзилинь) // 北方文物 (Бэйфан вэньу). 2000. № 3. С. 22–31.

Хорев В.А. Ананьевское городище. Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 2012. 339 с.

- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН, 1997. 160 с.
- Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.
- Шавкунов В.Э. К вопросу о боевых топорах монголо-татар // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 102–106.
- Шавкунов Э.В., Леньков В.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1967 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 3444.
- Шавкунов Э.В., Леньков В.Д., Галактионов О.С. Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1969 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 3950.

ON THE SO-CALLED JURCHEN SMALL BROAD-EDGED AXES

Sergey V. Makievskiy

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

E-mail: makievskiy@list.ru

Among the items found during the study of Jurchen fortified settlements of the 12th–13th centuries in Primorye, there are iron objects similar in shape to an axe with a broad blade hafted on the handle. Due to the shape of its blade resembling a poleaxe, the objects were called “small broad-edged axes” and were classified as weapons, specifically, as battle axes used as throwing weapons in the Jurchen army. Under this term, the axes were introduced into scientific literature and were referred to in this way for a long time, however, recent studies established that they could not be used as combat weapons due to their design features. An analysis of the material showed that the design of the axes is typical of knife tools found in large numbers during the study of sites of the Jurchen period in Primorye.

Keywords: Primorsky Krai, 12th–13th centuries AD, Jurchens, small broad-edged axes, weapon, battle axe, knives, tool.

REFERENCES

- Artem'ev A.R., 2004. Problems of identifying the Mongol weapons complex among Rus materials of the 13th century AD. *Vostochnaya Evropa v srednevekov'e: k 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages: to the 80th anniversary of Valentin Vasilievich Sedov]*. Moscow: Nauka, pp. 143–152. (In Russ.)
- Artem'eva N.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 1995 godu [Report on archaeological research at the Krasnoyarsky fortified settlement in Ussuriysk District of Primorsky Krai in 1995]. *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]*, F. 1, Op. 2, № 393.
- Arutyunov A.S., Faniev P.A., 2019. Criteria for identifying throwing knife as a cold weapon. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossii [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 1 (43), pp. 51–54. (In Russ.)
- Aseev I.V., 2009. Some aspects of historical and archaeological materials as evidence of the settlement of Mongolian-speaking tribes in the Baikal region and Mongolia in the Middle Ages. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, vol. 8, iss. 5, pp. 189–198. (In Russ.)
- Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V., 1984. Kochevniki Zabaykal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebeniy) [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (based on burial materials)]. Novosibirsk: Nauka. 201 p.
- Bobrov L.A., 2007. Helmets of the “Jin” type: design features and evolution issues. *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuichi [History and culture of the Ulus of Jochi]*. Kazan': Akademiya nauk Respubliki Tatarstan, pp. 267–287. (In Russ.)
- Dvurechenskiy O.V., 2014. Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov [Cold weapons of the Moscow state of the 15th–17th centuries]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Kulikovo pole”. 536 p.
- Gorelik M.V., 2002. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie [The Mongol-Tatar armies of the 10th–14th centuries. Military art, weapons, and equipment]. Moscow: Vostochnyy gorizont. 84 p.
- Khorev V.A., 2012. Anan'evskoe gorodishche. Svod arkheologicheskikh istochnikov po srednevekovoy istorii Primor'ya. Srednevekovye goroda Primor'ya XII–XIII vv. [Ananyevka fortified settlement. A collection of

- archaeological sources on the medieval history of Primorye. Medieval towns of Primorye in the 12th–13th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. 339 p.
- Khudyakov Yu.S., 1991. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitoego srednevekov'ya [Armament of Central Asian nomads during the early and developed Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka. 190 p.
- Khudyakov Yu.S., 1997. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitoego srednevekov'ya [Armament of nomads of South Siberia and Central Asia in the developed Middle Ages]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 160 p.
- Kiselev S.V., Merpert N.Ya., 1965. Objects made of iron and cast iron from Kara-Korum. *Drevnemongol'skie goroda* [Early Mongolian towns]. Moscow: Nauka, pp. 188–215. (In Russ.)
- Korobeynikov A.V., Mityukov N.V., 2009. Jurchen arrows: towards the identification of external ballistic parameters. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 1 (143), pp. 74–80. (In Russ.)
- Len'kov V.D., Artem'eva N.G., 2003. Lazovskoe gorodishche. Svod arkheologicheskikh istochnikov po srednevekovoy istorii Primor'ya. Srednevekovye goroda Primor'ya XII–XIII vv. [Lazovka fortified settlement. Collection of archaeological sources on the medieval history of Primorye. Medieval towns of Primorye in the 12th–13th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. 284 p.
- Leshchenko N.V., 1993. Typology of iron knives from the Jurchen sites of Primorye. *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka i smezhnykh territoriy: doklady V sessii nauchno-problemnogo Soveta arkheologov Dal'nego Vostoka* [New materials on the archaeology of the Far East and adjacent territories: Reports of the 5th Workshop of the Fundamental Research Council of Far Eastern Archaeologists]. Vladivostok, pp. 40–46. (In Russ.)
- Lyu Tszinven' (刘景文), Khe Min (何明), 2000. 吉林德惠市城岗子金代古城发掘简报 (Brief report on the archaeological excavations of the Jin settlement of Chenggangzi, located in the city of Dehuishi, Jilin Province). *北方文物* (Beyfan wen'u), 3, pp. 22–31. (In Chinese.)
- Shavkunov E.V., Len'kov V.D. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Primorskogo kraya v 1967 g. [Report on archaeological research in Primorsky Krai in 1967]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 3444.
- Shavkunov E.V., Len'kov V.D., Galaktionov O.S. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Primorskogo kraya v 1969 g. [Report on archaeological research in Primorsky Krai in 1969]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 3950.
- Shavkunov V.E., 1993. Vooruzhenie chzhurchzhenev XII–XIII vv. [Armament of the Jurchens in the 12th–13th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. 185 p.
- Shavkunov V.E., 2014. To the issue of Mongol battle axes. *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya* [Military traditions in the archaeological context: from the late La Tène to the Late Middle Ages]. Tula: Kulikovo pole, pp. 102–106. (In Russ.)